

РЮ 村上龍
МУРАКАМИ

В АЭРОПОРТУ

Перевод с японского
Елены Байбиковой

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

KUKO NITE
Copyright © 2005, Ryu Murakami
All rights reserved

Оформление обложки и закладки Анастасии Зининой

Мураками, Рю.
М91 В аэропорту / Рю Мураками ; [перевод с японского Е. Байбиковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 224 с. — (Маскот. Путешествие в Азию с белым котом).

ISBN 978-5-04-221865-1

Мировую известность Рю Мураками принес роман «Дети из камеры хранения». В нем автор показал темную сторону Японии. В сборнике рассказов «В аэропорту» Мураками несколько смягчается. Книгу во многом можно сравнить с произведением Харуки Мураками «От первого лица».

Этот сборник соткан из нескольких историй, будто подсмотренных и подслушанных в баре, караоке, банкетном зале и в аэропорту. Герои Мураками ощущают растущую безысходность. Они чувствуют, что из страны, где «есть все», исчезло самое главное — надежда. Работа, отношения, случайные встречи не спасают от пустоты. Однако именно в трещинах повседневности проступают маленькие частицы надежды — внезапное желание снова начать рисовать, признание в любви, решение уехать, чтобы начать все сначала.

«В аэропорту» — книга о внутреннем побеге и о первом вдохе перед прыжком.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Байбикова Е.,
перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-221865-1

В комбини

Я быстро осмотрелся. Внутри кроме меня находились еще семеро покупателей. Первый — пожилой мужчина; еще один — парень в очках, на вид студент, примерно моего возраста; третий и четвертый — дядьки в рабочей одежде; номер пять и номер шесть — пара окрестных домохозяек; и последний, седьмой покупатель — школьник-младшеклассник с ранцем за спиной. Школьник был в буфетном отделе, изучал сэндвичи. В одной руке он держал сэндвич с яичным салатом, а в другой — с консервированным тунцом. Миновав большую прямоугольную кастрюлю с дымящимся одэном¹ и установленную там

¹ *Одэн* — японское «зимнее» блюдо. В составе бульон даси и разные продукты, например вареные яйца, дайкон, конняку, тофу, водоросли и многое другое.

же у кассы стеклянную витрину с подогревом для булочек с разными начинками — от мясных до сладких, — я направился к отделу свежих продуктов, залитому светом люминесцентных ламп. Вообще-то, я осмотрелся только мельком, так что нельзя было с уверенностью утверждать, что покупателей ровно семь человек. Возможно, их здесь восемь или даже одиннадцать. Полки загораживали обзор, и увидеть весь зал целиком было невозможно.

Молоко, йогурты и молочные напитки типа кофе с молоком располагались в открытом горизонтальном холодильнике. Пожилой мужчина стоял прямо перед ним. Парень в очках, похожий на студента, исчез из поля моего зрения. Но это не значит, что он вышел из магазина, — при выходе двери открываются с характерным звуком, который трудно спутать с чем-то другим. С тех пор как я зашел в магазин, этого звука не было слышно. Значит, даже если кого-то мне и не видно, скорее всего, он внутри, потому что наружу никто не выходил.

Один из сотрудников магазина медленно двигался вдоль полки с орешками и другими закусками к алкоголю, держа в руках устройство, похожее на увеличенный вдвое мобильный телефон. Судя по всему, он вел

учет упаковок арахиса, вяленой говядины и сушеного кальмара, касаясь экранчика стилусом. Поскольку день будний — сотрудников немного. Еще один стоял у кассы и распаковывал цилиндрики с монетами для сдачи. Когда он вскрыл пленку на одном из цилиндриков, одноиеновые монетки посыпались в кассовый ящик, а несколько упало на прилавок.

Позади меня послышались голоса. Я решил, что это разговаривают те двое в рабочей одежде, — голоса были мужскими, и больше всего это походило на разговор между людьми, которые уже знакомы, а значит, это могли быть только они. До меня донесся обрывок фразы: «...всемирное наследие», — но поскольку я не расслышал в точности, что было до и после этих слов, то понять, о чем именно они говорят, я не мог. До этого дядьки стояли поодаль от меня у полка с лапшой быстрого приготовления и напитками, а теперь направлялись к кассе. Я вспомнил, что есть такая лапша, купив которую можно отправить куда-то крышку от упаковки и получить карточку из тематического набора с изображением одного из объектов всемирного наследия. Наверное, именно такую они и купили.

Молока здесь — несколько видов. Мне нужно было обезжиренное, прошедшее щадящую пастеризацию. Перед холодильником с молочными продуктами стоял пожилой покупатель. Сказать точно, сколько ему лет, я бы затруднился, но он выглядел довольно старым. На нем были яркий вязаный жилет, вельветовые брюки и поношенные кроссовки с грязными шнурками и стертой подошвой. Пластиковая корзинка висела на его согнутой как бы зеркальной латинской L левой руке. В корзинке лежали лампочка, иллюстрированный еженедельник и рыбная колбаса. Картонка для защиты лампочки была волнистой для надежности, с одного края из нее торчала верхушка стеклянной колбы. На ней виднелись надписи: цифры «100» и «60», а также буквы «V» и «W».

Лампочка лежала поверх еженедельника, закрывая лицо женщины на обложке. Женщина была в платье без рукавов и протягивала руки вперед перед собой. Мне стало любопытно, какого цвета у нее лак на ногтях, но пожилой мужчина перевесил корзину на другую руку, и я не успел разглядеть. Его правая рука потянулась к левому предплечью, согнутому под углом в форме зеркальной буквы L, затем большой, ука-

зательный и средний пальцы скользнули под ручку корзины и приподняли ее. Корзина перешла на правую руку и, как будто соскальзывая под собственной тяжестью, сдвинулась от запястья к локтю.

Мужчина потянулся было левой рукой к йогуртам, и в этот момент из-за полок раздался громкий женский смех. Рука зависла в воздухе. Старик чуть повернул голову в ту сторону, откуда донесся звук. Это смеялись две домохозяйки. Но почти сразу же все стихло... После окончания школы я начал работать в студии звукозаписи. Сначала занимался сбором звуковых эффектов, таких как гром, порывы ветра, щебет птиц, а также аплодисменты, шум толпы и смех. Я ходил с DAT-рекордером и записывал смех в самых разных местах: на свадьбах, в барах, на ярмарках, в телестудиях. Я начал работать в студии четыре года назад, когда мне было восемнадцать. Тогда я узнал, что смех всегда возникает внезапно и похож на взрыв. Но лишь по звучанию смеха невозможно понять, почему люди смеются. Когда я обрабатывал в студии записанные в разных местах звуки смеха, я вспоминал свое детство.

Я был в старшей группе детского сада, когда у моей бабушки с папиной стороны

случился инсульт. Как-то мы пришли к ней в больницу, и она слушала радио в наушниках — передавали что-то вроде анекдотов-ракуго¹. Вообще-то, поскольку звук из наушников был тихим, я не мог точно сказать, было ли это действительно ракуго, или сценка-мандзай², или разговорное юмористическое шоу. Но я периодически слышал смех множества людей. Этот слабый звук доносился из крошечного динамика, утонувшего в ухе бабушки, и пятилетнему мне он казался похожим на птичий щебет. Существуют ли и правда птицы, издающие подобные звуки, я понятия не имел, но помню, что тогда подумал именно так.

Каждый раз, когда раздавался этот слабый звук, выражение лица бабушки немного смягчалось. Будучи почти полностью парализованной, она, похоже, по-прежнему была в состоянии воспринимать юмор. Смех в наушниках возникал внезапно и нерегулярно. Постепенно мне стало казаться, что бабушка ждет этого звука. Разумеется,

¹ *Ракуго* — комический литературный и театральный жанр, разнообразный по содержанию. Это могут быть анекдоты или длинные рассказы.

² *Мандзай* — традиционный комедийный жанр в Японии. Как правило, это комические сценки-интермедии с двумя участниками.

она не могла говорить, не могла писать, кивать или качать головой. Единственное, что было ей под силу, — это открывать и закрывать глаза. Я наблюдал за бабушкиными веками. Они чуть заметно подрагивали, но, как только доносился смех, подрагивание прекращалось — веки либо плотно смыкались, либо, напротив, резко распахивались.

Смех посторонних людей — в некотором роде проявление насилия. Услышав, как засмеялись две домохозяйки, стоящий передо мной пожилой мужчина замер. Его рука, протянувшаяся к питьевому йогурту, зависла в воздухе. Он начал поворачивать голову в сторону источника смеха, но остановился — взгляд застыл как бы на полпути между холодильником и той точкой в пространстве, откуда шел звук. Затем мужчина изменился в лице. Наверное, почувствовал раздражение. Где-то у него за спиной что-то произошло, но что именно — он не знал. До него дошел лишь звук смеха. Произошедшее никак его не касалось. Смех не имел к нему отношения. Вряд ли он думал, что эти две женщины смеются над ним, но причина смеха была ему непонятна. В этом отличие смеха от звука сирены скорой помощи, доносящегося с улицы. Си-

рена — событие из внешнего мира, а насчет смеха двух женщин у соседних полок все не так однозначно.

Смех, звучавший в подключенных к радио наушниках, успокаивал бабушку, это было заметно по ее лицу. Но если бы смеялись прямо в больничной палате, она бы, вероятно, напряглась. А радио и телевидение можно воспринимать спокойно. Даже если мы видим по телевизору человека, на которого напал крокодил, нам с самого начала понятно, что нас это не касается, вот мы и не напрягаемся. Более того, если люди в передаче смеются, мы можем смеяться вместе с ними, как бы подхватывая звуки, доносящиеся с экрана. Но если смех звучит в ситуации, имеющей к нам прямое отношение, это уже совсем другое дело. Даже если человек смотрит юмористическое шоу по телевизору и вдруг слышит смех родных или друзей где-то в соседней комнате — вне контекста передачи, — он наверняка почувствует беспокойство.

Сложно сказать, насколько сильно напрягся стоящий сейчас передо мной пожилой мужчина — эмоции на лице стариков довольно сложно распознать. Его левая рука, протянутая к витрине с молочными продуктами, застыла в воздухе на уровне

глаз. Судя по его виду, он не то обеспокоен, не то смущен, а если немного изменить угол взгляда, то на лице будто даже появляется легкая улыбка. Мимика маленьких детей легко читается, но пожилые люди — дело другое. У младенца кожа упругая, и поэтому хорошо заметно, как меняется его лицо. Без этого мать не смогла бы вовремя понять, когда дать ребенку молока или взять на руки. Выражение вроде бы едва изменилось, но уже понятно, что малыш недоволен. У пожилых людей не так. Думаю, ухаживать за стариками очень тяжело. Говорят, что люди с деменцией возвращаются в детское состояние. Вот только мимика не возвращается. А ухаживать за младенцем без выраженной мимики — задача непростая. Точнее, очень сложная. Тот, кто ухаживает за пожилым с деменцией, должен быть все время начеку, чтобы не упустить момент, когда на бесстрастном лице вдруг появится улыбка или слезы. Мне кажется, я бы не выдержал.

Две домохозяйки переместились от полок с журналами и косметикой к полке с гигиеническими товарами и чулочно-носочными изделиями. Между полками с журналами и полками с лапшой быстрого приготовления расположился невысокий

прилавок, на котором лежали бланки для отправки курьерской почты. Рядом — терминал с телевизионным экраном. По телевизору транслируется музыкальный клип. Сверху прикреплен листок с надписью: «Вы можете скачать музыку, которая сейчас играет, прямо с терминала». Сейчас на экране — не слишком ярком, с приглушенной картинкой — выступала группа, которую я толком не знал. Смех двух домохозяек звучал громче, чем музыка. Наверняка они смеялись не по поводу пожилого мужчины. Но старик мог подумать, что смеются над ним. Мы способны сделать объектом смеха что и кого угодно. Мы можем смеяться над людьми, собаками, шимпанзе. А вот над насекомыми — вряд ли.

Парень в очках, примерно моего возраста, выглянул из-за полки со снеками. Длинноволосый, немного полноватый. Левой рукой он потянулся к шоколадным шарикам, а правой откинул волосы, падавшие на лицо. Я подумал, не буллят ли его коллеги по подработке или что-то в этом роде. По лицу человека, над которым систематически издеваются, почти всегда можно это понять. Когда я учился классе в седьмом-восьмом, у меня был одноклассник, к которому все относились как к насекомому.

му. И я тоже к нему так относился. На переключке в классе, когда дежурный называл по очереди все имена, ему полагалось вести себя так, будто он насекомое, — при звуке его имени все как бы слегка приседали и смотрели на пол. А дежурный в этот момент должен был топнуть ногой по полу — и тогда этот мальчик обязательно издавал стон, словно его раздавили. Но будь он в реальности насекомым, мы бы не смогли над ним так смеяться. Мы высмеивали его, потому что он превращался в насекомое по нашей воле. Когда мы смеялись над ним, он смеялся вместе с нами, будто так и надо. Но с какого-то момента у него заметно перекосило лицо. Тогда я впервые понял, что издевательства меняют внешность человека.

Наверное, у этого моего одноклассника, которого все держали за насекомое, нарушилась синхронизация между нервной системой и лицевыми мышцами. Парень, тянувшийся за шоколадными шариками, зевнул. Я стоял перед полкой с молочными напитками, старик протягивал руку за йогуртом. Дядьки в рабочей спецодежде направлялись к кассе, домохозяйки переходили к полке с гигиеническими товарами. Школьник держал в каждой руке по сэнд-